333.32
G29oR

NOTICE: **Return or renew all Library Materials! The *Minimum* Fee for each Lost Book is $50.00.**

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

OCT 01 1990
FEB 5 1991

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2018 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/ovolostnomzemsts00vlad

333.32
G29oR

О вознагражденіи землевладѣльцевъ *).

Когда люди борются ради установленія справедливости, множество другихъ пытается лишь устроить компромиссъ между правдой и неправдой, между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, чему слѣдовало бы быть. Потому-то, въ настоящее время,—въ Англіи, по крайней мѣрѣ,—даже среди людей, сознающихъ несправедливость отрицанія равнаго права на пользованіе землей, встрѣчается очень не мало такихъ, которые думаютъ, что это естественное право на землю можетъ быть установлено только лишь послѣ того, какъ существующіе собственники земли будутъ вознаграждены за утрату принадлежащихъ имъ теперь правъ на землю.

И заблужденіе такого рода сказывается не на одномъ только земельномъ вопросѣ. Оно обнаруживалось въ Англіи также въ выдачѣ вознагражденія вестъ-индскимъ рабовладѣльцамъ при уничтоженіи рабства въ Индіи; въ выдачѣ вознагражденія собственникамъ гнилыхъ мѣстечекъ въ Ирландіи во времена Союза за лишеніе ихъ права торговать правосудіемъ; въ капитализаціи наслѣдственныхъ пенсій и въ вознагражденіи, выдаваемомъ при уничтоженіи прибыльныхъ синекуръ тѣмъ лицамъ, которыя ими пользовались.

Обнаруживалось и обнаруживается то же заблужденіе также и у насъ въ Соединенныхъ Штатахъ. То и дѣло приходится, напримѣръ, слышать, что было

*) Изъ сочиненія Генри Джорджа „Запутавшійся философъ.“ Рус. пер. изд. Пантелѣева. Спб. 1901.

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN

бы несправедливо уничтожить покровительственныя пошлины, ибо капиталисты прилагали свой капиталъ ко многимъ предпріятіямъ въ надеждѣ на продолженіе этихъ пошлинъ; а немного лѣтъ тому назадъ добрые, честные, люди искренно вѣрили у насъ, что для отмѣны существовавшаго въ то время рабства необходимо было вознаградить рабовладѣльцевъ, хотя тѣ же самые люди сочли бы первоначальное порабощеніе человѣка за преступленіе, достойное смерти, какъ на самомъ дѣлѣ и наказывалась тогда по нашимъ законамъ внѣшняя торговля рабами. Даже послѣ того, какъ война, въ сущности, уже началась, мысль о необходимости вознагражденія была такъ сильна, что государство выдавало вознагражденіе собственникамъ при отмѣнѣ рабства въ Колумбіи въ 1862 году, и послѣдующія попытки примѣнить тотъ же принципъ ко всѣмъ рабовладѣльческимъ штатамъ, оставшимся вѣрными союзу, не удались единственно лишь изъ-за недопущенія какого-либо вмѣшательства власти въ дѣла, касающіяся рабовладѣнія.

Попытаемся же выяснить себѣ самую суть вопроса о вознагражденіи:

Имъ отнюдь не предполагается признаніе законности какого-либо договора, соглашенія или обѣщанія, формально выраженнаго государствомъ. Таковыхъ не существуетъ, и на нихъ никто не ссылается изъ сторонниковъ вознагражденія въ разсматриваемыхъ нами случаяхъ. Да если бы они и существовали, то все же пришлось бы обсудить предварительно, насколько законодательная власть можетъ ограничиваться законодательной властью, и въ какой мѣрѣ одно поколѣніе можетъ распоряжаться дѣйствіями послѣдующихъ поколѣній. Заниматься здѣсь этимъ обсужденіемъ для насъ нѣтъ необходимости.

Далѣе, интересующій насъ вопросъ о вознагражденіе не есть вопросъ о правѣ на вознагражденіе вообще. Никто не станетъ спорить противъ того, что государство обязано вознаграждать частныхъ лицъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ назначаются къ сломкѣ ихъ дома въ виду какихъ-либо общественныхъ сооруженій, отбираются товары, продовольствіе, лошади или суда для какихъ-либо государственныхъ надобностей, или требуются отъ однихъ гражданъ услуги, которыхъ не оказываютъ ему всѣ прочіе граждане.

Другими словами, вопросъ о вознагражденіи не есть вопросъ о томъ, обязано ли государство уплачивать вознагражденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ уничтожается собственность, имѣющая нравственную санкцію, ибо самымъ признаніемъ нравственной санкціи уже предполагается право на вознагражденіе. И это право становится спорнымъ только лишь тамъ, гдѣ обнаруживается отсутствіе нравственной санкціи для какого-либо вида частной собственности.

Такъ, убѣжденіе въ законности вознагражденія за рабовъ никоимъ образомъ не представляло изъ себя направляющаго элемента въ умахъ людей, признававшихъ законность рабства. Человѣкъ, вѣрившій, что рабство существуетъ съ Божьяго соизволенія; что болѣе сильные въ порядкѣ естественныхъ явленій должны порабощать болѣе слабыхъ, чтобы затѣмъ отечески заботиться о нихъ; что рабство не только не слѣдуетъ уничтожать тамъ, гдѣ оно есть, но что, напротивъ, слѣдуетъ устанавливать тамъ, гдѣ его нѣтъ,—такой человѣкъ не могъ дѣлать вопроса изъ права на вознагражденіе при отмѣнѣ рабства. Ибо право это само собой вытекало изъ его признанія рабства за справедливое учрежденіе, которое слѣдуетъ поддерживать. Право это могло получить особое значеніе

и сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ разсужденій только лишь въ умахъ людей, признававшихъ рабство за зло, подлежащее уничтоженію.

Подобно этому происходитъ и съ землей. Мысль о вознагражденіи возникаетъ и получаетъ особое значеніе только лишь тамъ, гдѣ она оказывается какъ бы добавочной защитой частной собственности на землю. Человѣкъ, вѣрящій въ право частной собственности на землю, не станетъ искать доказательствъ для права на вознагражденіе въ случаѣ ея отмѣны. Онъ не допускаетъ и мысли объ ея уничтоженіи. Онъ вѣритъ, что она будетъ продолжаться и развиваться. Такъ какъ бо́льшимъ обнимается меньшее, то онъ вѣритъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ необходимость вознагражденія собственниковъ въ случаѣ отобранія у нихъ ихъ земли. Только лишь усомнившись въ правѣ собственности на землю и склоняясь въ сторону его отмѣны, онъ станетъ разсуждать о правѣ на вознагражденіе, какъ о независимомъ нравственномъ вопросѣ. И тогда вопросъ этотъ явится для него какъ бы второй линіей крѣпостныхъ окоповъ, защищающихъ частную собственность на землю, которая будетъ отклонять его въ сторону отъ уничтоженія частной собственности на землю или, по крайней мѣрѣ, въ сторону отъ уничтоженія частной собственности на землю съ ущербомъ для узаконенныхъ интересовъ. А такого рода промежуточный характеръ защиты узаконенныхъ интересовъ обладаетъ, конечно, особой привлекательностью для тѣхъ робкихъ и благоразумныхъ личностей, которыя всегда бываютъ склонны удирать съ поля битвы въ тѣхъ случаяхъ, когда сталкиваются между собою нравственное право и могущественные интересы.

Такимъ образомъ занимающая насъ мысль о вознагражденіи собственниковъ земли есть мысль о воз-

награжденіи за что-то такое, что само по себѣ признается за несправедливость. Но въ то же время мысль эта опирается на нравственныя основанія и выдвигаетъ на очередь рѣшеніе чисто-нравственнаго вопроса.

Лица, настаивающія на необходимости вознагражденія собственниковъ земли при отмѣнѣ несправедливаго пользованія землей, утверждаютъ обыкновенно, что само государство приняло на себя извѣстное нравственное обязательство своимъ прежнимъ согласіемъ на существованіе несправедливаго порядка. Государство, говорятъ они, въ правѣ было бы не дать своего согласія на какую-либо несправедливость съ самаго же начала. Оно въ правѣ бы было, напримѣръ, запретить рабство тамъ, гдѣ его еще не существовало; въ правѣ бы было не дозволить присвоенія частными собственниками новыхъ земель; въ правѣ бы было отказать въ назначеніи новыхъ пенсій, въ установленіи новыхъ покровительственныхъ пошлинъ или въ дарованіи новыхъ исключительныхъ привилегій. Но, разъ дѣло сдѣлано, и предъ государствомъ оказываются уже нравственныя ограниченія въ отношеніи тѣхъ лицъ, которыя сообразовались съ его дѣйствіями. Уничтожить цѣнность какой-либо собственности, пріобрѣтенной съ его согласія, оно могло бы, въ сущности, лишь вводя законъ съ обратнымъ дѣйствіемъ.

Однако мы здѣсь наталкиваемся на очевидную путаницу. Всѣ эти слова могли бы имѣть вѣсъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда предлагалось бы, чтобы государство уничтожило то, что было ранѣе сдѣлано съ его согласія,—объявило бы, напримѣръ, недѣйствительными всѣ права на трудъ рабовъ, уже выполненный, или дало бы рабамъ право требовать возврата всего произведеннаго ими, или взыскивало бы съ про-

мышленниковъ весь излишекъ дохода, полученный ими благодаря покровительственнымъ тарифамъ. Но едва ли кто усмотрѣлъ бы что-либо похожее на законъ съ обратнымъ дѣйствіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предлагалось бы объявить на будущее время трудъ рабовъ ихъ неотъемлемой собственностью или торговлю—свободной. Въ этихъ случаяхъ настаивать на вознагражденіи потерпѣвшихъ значило бы признать, что государство не просто должно сообразоваться съ тѣмъ, что было сдѣлано имъ ранѣе, но что оно нравственно обязано продолжать все то, что дѣлалось имъ ранѣе.

Вознагражденіе требовалось бы здѣсь не за утрату какихъ-либо наличныхъ цѣнностей, а за утрату того, что еще только ожидается. Тюкъ хлопка имѣетъ дѣйствительную цѣнность, основывающуюся на трудѣ, затраченномъ на его добываніе. Но цѣнность раба есть чисто-спекулятивная цѣнность, основывающаяся на предположеніи, что государство попрежнему будетъ заставлять его работать на хозяина. Подобнымъ образомъ, цѣнность дома или другого какого-либо сооруженія представляетъ изъ себя цѣнность воплотившагося въ нихъ труда. Но цѣнность самой земли есть цѣнность, основывающаяся только на предположеніи, что государство попрежнему будетъ позволять владѣльцамъ земли брать себѣ доходъ съ нея, принадлежащій всему обществу. Придетъ ли кому въ голову требовать, чтобы государство вознаграждало людей за утрату надежды на извѣстныя дѣйствія съ его стороны, даже не заключающія въ себѣ никакого нравственнаго элемента? Придетъ ли кому въ голову требовать, чтобы, склоняясь къ миру, государство вознаграждало тѣхъ лицъ, которыя затрачивали капиталъ въ расчетѣ на войну? чтобы, устраивая болѣе близкую новую

дорогу, оно вознаграждало людей, терявшихъ доходъ вслѣдствіе запустѣнія старой? чтобы, содѣйствуя открытію болѣе дешеваго способа непосредственнаго превращенія тепловой энергіи въ электрическую, оно вознаграждало владѣльцевъ паровыхъ машинъ, дѣлавшихся ненужными, вмѣстѣ съ строителями этихъ машинъ? чтобы, развивая воздухоплаваніе, оно вознаграждало за убытки владѣльцевъ перевозочныхъ средствъ на землѣ? Подобныя требованія мы сочли бы, конечно, нелѣпыми. Однако то требованіе, которое мы разсматриваемъ, представляетъ изъ себя нѣчто худшее. Ибо по своей сущности оно есть требованіе, чтобы государство вознаграждало людей за ихъ разочарованіе въ надеждѣ на то, что оно никогда не остановится въ дѣланіи зла.

Отмѣняя рабство, наслѣдственныя пенсіи, покровительственныя пошлины или особыя привилегіи какого-либо рода, отбираетъ ли государство у индивидуумовъ, которые при этомъ теряютъ, что-либо такое, что уже на самомъ дѣлѣ имѣлось бы у нихъ? Конечно, нѣтъ. При уничтоженіи рабства оно просто отказывается на будущее время принуждать одного человѣка къ работѣ на другого. Отмѣняя наслѣдственныя пенсіи, оно просто отказывается на будущее время брать силой собственность у однихъ людей и отдавать ее другимъ. Отмѣняя покровительственныя пошлины, оно просто отказывается на будущее время насильнически нарушать естественныя права всѣхъ гражданъ ради доставленія неестественныхъ прибылей небольшой кучкѣ людей. Отмѣняя особыя привилегіи, оно просто отказывается на будущее время отъ употребленія своей власти на то, чтобы давать нѣкоторымъ лицамъ преимущество надъ всѣми прочими людьми.

Подумайте теперь, за что, собственно, требовалось бы въ подобныхъ случаяхъ вознагражденіе. Понятно, не за попытку исправить уже совершонное зло, а за отказъ отъ совершенія зла въ послѣдующее время; не за неравное отношеніе къ личностямъ въ настоящемъ, а за отказъ отъ продолженія неравнаго отношенія къ личностямъ въ будущемъ. Безъ сомнѣнія, отъ такого отказа могутъ быть потери въ разнаго рода продажныхъ цѣнностяхъ у индивидуумовъ. Однако это будутъ потери не того, что они имѣютъ въ настоящемъ, а того, на что они разсчитывали въ будущемъ. Это будутъ отнюдь не такія потери, за которыя инвидуумъ въ правѣ былъ бы требовать вознагражденія, а государство по справедливости должно было бы вознаграждать. Это будутъ потери того же рода, какъ потери ефесскихъ серебряниковъ отъ проповѣди ап. Павла, какъ потери кабатчиковъ отъ распространенія трезвости въ народѣ и какъ обыкновенныя потери множества лицъ отъ всякаго благодѣтельнаго изобрѣтенія и общественнаго улучшенія. И требованіе за нихъ вознагражденія оказывается отрицаніемъ права на какія бы то ни было реформы. Имъ, въ сущности, признается, что государство, разъ совершивъ неправду, тѣмъ самымъ создаетъ для себя нравственную обязанность слѣдовать этой неправдѣ на все будущее время, и что оно не просто должно слѣдовать этой неправдѣ или иначе выдавать вознагражденіе, но должно слѣдовать этой неправдѣ при какихъ то ни было условіяхъ.

Ибо вознагражденіемъ предполагается полное возмѣщеніе. Вознаградить людей, теряющихъ вслѣдствіе прекращенія неправды, значитъ дать имъ денежную награду, равную той прибыли, которую они получали прежде отъ этой неправды. А такъ какъ государство

ничего не имѣетъ кромѣ того, что принадлежитъ составляющимъ его индивидуумамъ, и такъ какъ все, что оно вздумаетъ давать однимъ лицамъ, оно должно брать у другихъ, то ясно, что прекращеніе неправды съ выдачею вознагражденія, въ сущности, было бы не уничтоженіемъ ея, а лишь продолженіемъ въ другихъ формахъ,—въ формѣ несправедливыхъ поборовъ, съ одной стороны, и въ формѣ несправедливыхъ наградъ, съ другой. Отмѣняя наслѣдственныя пенсіи и выплачивая вознагражденіе, государство давало бы владѣльцамъ этихъ пенсій, въ деньгахъ или процентныхъ бумагахъ, власть захватывать себѣ столько же продуктовъ труда другихъ людей, сколько прежде захватывалось ими въ пенсіяхъ. Выдавая вознагражденіе за рабовъ при отказѣ отъ дальнѣйшаго принужденія ихъ къ работѣ на хозяевъ, государство предоставляло бы хозяевамъ возможность брать себѣ у общества столько же богатства, сколько прежде отбиралось ими у рабовъ. Рабовладѣльцы теряли бы право отбирать собственность у рабовъ и ихъ потомковъ; но за то они пріобрѣтали бы обязательство государства брать въ ихъ пользу и препровождать къ нимъ равноцѣнное количество собственности всѣхъ гражданъ страны. Обирательство продолжалось бы лишь съ измѣненіемъ формы. Изъ интенсивнаго оно превратилось бы въ экстенсивное. Нѣкоторыя лица, порабощенныя, отчасти освободились бы; другія, свободныя, были бы отчасти порабощены.

Что именно путаницѣ обязана своимъ распространеніемъ мысль о вознагражденіи за отказъ отъ слѣдованія неправдѣ, видно, между прочимъ, и изъ того факта, что требованіе вознагражденія такого рода обыкновенно предъявляется не отъ лица людей, впервые воспользовавшихся неправдой, а отъ лица людей,

которые впослѣдствіи купили себѣ право на пользованіе ею. О первичныхъ дѣятеляхъ нерѣдко даже и вовсе не упоминается. И намъ говорятъ: «Вотъ человѣкъ, который пріобрѣлъ на свои сбереженія собственность, дозволенную правительствомъ, разсчитывая, что она и на будущее время будетъ признаваться за дозволенную. Развѣ власть не уничтожитъ плоды его тяжелаго труда, если она не вознаградитъ его при отмѣнѣ права на такую собственность?»

Отвѣтъ ясенъ: конечно, нѣтъ. Пусть такой собственностью былъ бы рабъ. Отмѣняя рабство, государство уничтожало бы не то, что могло быть заплачено за раба, а цѣнность раба. Сущность дѣла нимало не измѣнялась бы отъ того, что покупателемъ могло быть обмѣнено на раба что-либо пріобрѣтенное честнымъ трудомъ. И этотъ покупатель несъ бы убытокъ не какъ трудящійся человѣкъ, а просто какъ рабовладѣлецъ. Не обмѣнивай онъ своихъ сбереженій на раба, и уничтоженіе рабства не причинило бы ему никакихъ потерь. Обмѣнивая собственность одного рода на собственность другого, мы разстаемся со всѣми случайностями, связанными съ одной, и подвергаемъ себя всѣмъ случайностямъ, связаннымъ съ другой. Мы не можемъ, продавая кирпичи и покупая сѣно, жаловаться потомъ на то, что сѣно наше сгорѣло, тогда какъ кирпичъ остался цѣлъ. Ибо возможность для сѣна сгорѣть есть одна изъ особенностей сѣна, съ которой мы волей-неволей должны считаться, покупая его. Подобнымъ же образомъ, обмѣнивая собственность, имѣющую нравственную санкцію, на собственность, имѣющую лишь законодательную санкцію, мы не можемъ требовать, чтобы нравственная санкція проданной собственности считалась какъ бы перенесенной на купленную собственность. Ибо мы теряли бы эту

нравственную санкцію вмѣстѣ съ уходомъ отъ насъ проданной собственности. Обмѣнъ перемѣщаетъ, но не создаетъ. Каждая сторона передаетъ то право, которое она имѣла, и получаетъ другое право, которое имѣла другая сторона. Послѣдній собственникъ не можетъ пріобрѣсть нравственнаго права, если его не имѣлъ первый.

«Однако», могутъ сказать, «пріобрѣтая то, что въ теченіе долгаго времени признавалось собственностью, мы оказываемся въ положеніи, отличающемся отъ положенія первоначальныхъ собственниковъ. Нашъ судъ признаетъ разницу между добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ владѣльцемъ чужого имущества, и давность владѣнія пополняетъ всѣ недочеты въ первичныхъ правахъ владѣльца. И именно этому принципу должно слѣдовать государство въ своихъ отношеніяхъ къ индивидуумамъ. Лишая ихъ собственности, которой они долгое время владѣли неправильно изъ-за его упущеній, оно должно выдавать имъ соотвѣтственное вознагражденіе».

Добросовѣстный владѣлецъ, права котораго служатъ источникомъ обиды для людей! Развѣ не нелѣпо такое названіе? Если въ нашихъ судахъ «никто не можемъ отзываться невѣдѣніемъ закона», то, конечно, тѣмъ болѣе не можетъ отзываться невѣдѣніемъ нравственнаго закона человѣкъ, прибѣгающій къ суду совѣсти, на который ссылаются обыкновенно сторонники вознагражденія.

Невѣдѣніе можетъ лишь избавлять отъ наказанія, которому подвергается завѣдомо совершающій неправду; но оно не даетъ права на совершеніе неправды. Отдавивъ кому-нибудь ногу, вы можете, конечно, извиниться случайностью, но не пріобрѣтаете черезъ это право всегда давить ноги. А государство, отмѣняя

права на собственность, которой предполагается обида для другихъ людей, не только не налагаетъ на владѣльцевъ ея какой-либо кары, но даже не требуетъ вознагражденія обиженныхъ. Оно поступается даже тѣми принципами, которыми руководствуются въ нашихъ судахъ. Тамъ требуютъ, чтобы добросовѣстный владѣлецъ чужого имущества не только вернулъ собственнику самое имущество, но вернулъ бы также и всѣ полученные съ него доходы. Не идетъ оно въ разрѣзъ и съ принципомъ открытой продажи, который гарантируетъ покупателю право собственности въ случаѣ отсутствія обмана. Не идетъ оно въ разрѣзъ и съ принципомъ давности, который ставитъ внѣ сомнѣнія право собственности по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ.

Принципъ открытой продажи («market overt») выражается не въ томъ, что переходъ изъ рукъ въ руки создаетъ право собственности, а въ томъ, что при постоянномъ переходѣ изъ рукъ въ руки нѣкоторыхъ предметовъ признается за лучшее, въ интересахъ торговли и общаго блага, считать право собственности покупателя за окончательное всюду, гдѣ не можетъ быть доказана наличность какихъ-либо преступныхъ намѣреній. Равно и принципъ давности выражается не въ томъ, что одно продолжительное владѣніе устанавливаетъ право собственности, а въ томъ, что за извѣстнымъ предѣломъ считается невозможнымъ разобраться болѣе или менѣе обстоятельно въ правахъ спорящихъ лицъ. Собственно, въ принципѣ этомъ мы наталкиваемся на одинъ изъ случаевъ, когда человѣческій законъ сознаетъ себя безсильнымъ болѣе или менѣе точно согласовать свои велѣнія съ требованіями нравственнаго закона. Никакая религія и никакой нравственный кодексъ не сочтутъ непорочнымъ того

человѣка, который, опираясь на давность, владѣлъ бы имѣніемъ, завѣдомо принадлежащимъ другому лицу. Но судебная машина не можетъ копаться въ совѣсти людей; ей впору только разбираться въ доказательствахъ; а доказательства того, что было и прошло, быстро тускнѣютъ и изглаживаются въ памяти людей. Потому для государства и оказывается надобность,— чтобы предупредить безконечные споры,—назначить какой-либо предѣлъ, далѣе котораго не заходили бы никакія разслѣдованія, и всякій владѣлецъ признавался бы собственникомъ.

Въ обычныхъ разговорахъ общимъ названіемъ собственности обозначаютъ все то, что можетъ считаться собственностью по закону. Однако при этомъ смѣшиваются, по невѣжеству или по легкомыслію, два рода предметовъ, существенно различныхъ и діаметрально противоположныхъ. Сходны между собой эти предметы въ томъ отношеніи, что они одинаково обладаютъ продажной цѣнностью и способностью переходить изъ владѣнія одного лица во владѣніе другого. Но предметы перваго рода суть истинная собственность, имѣющая санкцію естественнаго права и нравственнаго закона независимо отъ какихъ-либо дѣйствій государства, тогда какъ предметы второго рода оказываются лишь мнимой собственностью, и сохраненіе за ними ихъ свойствъ собственности требуетъ постояннаго содѣйствія государственной власти, постоянныхъ угрозъ военной силой или пользованія ею и постоянныхъ нарушеній естественнаго права и нравственнаго закона. Къ предметамъ перваго рода съ полнымъ основаніемъ прилагается, въ разумныхъ предѣлахъ, принципъ давности; ибо, будучи собственностью по самой природѣ своей, они не допускаютъ какихъ-либо принципіальныхъ разногласій относительно ихъ

принадлежности, и всякій вопросъ о ней всегда сводится для нихъ просто къ вопросу о существованіи или несуществованіи извѣстныхъ сдѣлокъ между тѣми или другими индивидуумами. Но къ предметамъ второго рода,—когда затрогиваются отношенія между личностью и государствомъ,—принципъ этотъ не можетъ и не долженъ прилагаться, ибо самые предметы эти являются собственностью только лишь благодаря извѣстнымъ дѣйствіямъ государства и утрачиваютъ всѣ свойства собственности тотчасъ же, какъ государство отказывается поддерживать въ нихъ эти свойства. Вопросъ о томъ, будетъ ли государство поддерживать въ нихъ эти свойства или не будетъ, есть уже вопросъ не о томъ, что совершено было въ прошломъ, а вопросъ о томъ, что должно совершаться въ будущемъ,—вопросъ, касающійся общихъ правъ, а не просто только извѣстныхъ отношеній между нѣкоторыми лицами. Предметы, которые вызываются къ существованію затратою труда, и которые съ самаго же начала пріобрѣтаютъ всѣ особенности, такъ сказать, въ силу расширенія права собственности человѣка на самого себя, составляютъ собственность перваго рода. Особыя привилегіи, которыми государство уполномочиваетъ однихъ людей захватывать себѣ плоды труда другихъ, суть собственность второго рода.

Вопросъ о правѣ собственности на сюртукъ, инструменты, домъ или кипу товара есть вопросъ о правѣ собственности на конкретный результатъ минувшаго труда. Мы знаемъ изъ природы этихъ предметовъ, что они должны принадлежать тому или другому лицу. Но въ виду слабости человѣческихъ силъ мы не можемъ разсчитывать на точное опредѣленіе того, кому именно они принадлежатъ, когда споръ объ ихъ принадлежности возникаетъ по прошествіи болѣе или

менѣе долгаго промежутка времени. И потому, отказываясь входить въ изслѣдованіе отдаленнаго прошлаго, мы прямо признаемъ право на нихъ за ихъ владѣльцемъ, на сторонѣ котораго имѣется, по крайней мѣрѣ, наибольшая вѣроятность обладанія этимъ правомъ. Однако вопросъ о сохраненіи или отмѣнѣ рабства или частной собственности на землю, о продолженіи или не продолженіи промышленныхъ монополій, наслѣдственныхъ пенсій или покровительственныхъ пошлинъ есть вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли государству, или не слѣдуетъ оказывать на будущее время свое содѣйствіе преступному захвату результатовъ труда, который будетъ затрачиваться. Здѣсь уже не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо обращеніи къ принципу давности. Никакая неясность въ отношеніи прошлаго не въ состояніи измѣнить рѣшенія. Это уже не вопросъ о томъ, что было сдѣлано въ прошломъ, а вопросъ о томъ, чему слѣдуетъ быть въ будущемъ. Тутъ мы не можемъ уже довольствоваться предположеніемъ, что у владѣльца такого-то вида собственности есть на нее законное право, ибо увѣренно знаемъ, что этого права у него нѣтъ.

Намъ говорятъ затѣмъ: вотъ человѣкъ, купившій на свои сбереженія раба, и вотъ другой человѣкъ, купившій на свои сбереженія домъ,—въ такое время, когда и рабы и дома одинаково признавались за собственность государствомъ. Отказавъ затѣмъ въ своей санкціи первому виду собственности, государство совершенно обезцѣнило бы сбереженія одного человѣка и въ то же время сохранило бы за другимъ всѣ его прибыли. Оно отнеслось бы неодинаково къ этимъ людямъ, причинило бы обиду одному изъ нихъ, и эта обида могла бы быть устранена только лишь путемъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Пусть въ од-

номъ видѣ собственности заключалась неправда. Но развѣ, въ виду санкціи государства, въ этой неправдѣ не были бы повинны всѣ? И развѣ справедливо было бы возлагать отвѣтственность за нее лишь на нѣкоторыхъ лицъ, случайно помѣстившихъ свои сбереженія въ этомъ видѣ собственности, когда онъ признавался еще законнымъ?

Къ другимъ путаницамъ здѣсь прибавляется еще путаница въ пониманіи отношеній между государствомъ и его членами. Если бы поддержаніе государствомъ одного какого-либо вида собственности, заключающей въ себѣ неправду, можно было разсматривать какъ рядъ дѣйствій всѣхъ его членовъ, даже тѣхъ, которые страдали бы отъ этой неправды, то и отказъ государства отъ дальнѣйшаго слѣдованія неправдѣ надо было бы признавать за отказъ отъ неправды всѣхъ его членовъ, даже тѣхъ, которые выигрывали отъ нея. Если требовать себѣ потеряннаго не могутъ лица, страдавшія отъ неправды, то тѣмъ менѣе могутъ требовать себѣ вознагражденія лица, выигрывавшія отъ нея.

Взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Нравственный законъ, на который ссылаются, требуя вознагражденія отъ государства, долженъ быть нравственнымъ закономъ, сдерживающимъ индивидуумовъ. Но нравственный законъ не можетъ санкціонировать нравственныхъ преступленій. Онъ долженъ признавать ничтожными даже формальные договоры на совершеніе неправды, а въ случаяхъ, которые мы разсматриваемъ, нѣтъ даже и договора. Тутъ просто требуютъ, чтобы государство, вызвавъ своими несправедливыми дѣйствіями надежду на продолженіе такихъ дѣйствій, считало себя затѣмъ, при отказѣ отъ продолженія зла, нравственно обязаннымъ выдавать вознаграждe-

ніе тѣмъ лицамъ, которыя затрачивали свой капиталъ въ надеждѣ на это продолженіе. Развѣ такое требованіе признано было бы заслуживающимъ уваженія, будучи предъявлено къ индивидуумамъ? Пусть, напримѣръ, я завелъ бы обычай растрачивать всѣ мои сбереженія въ игорномъ домѣ или въ кабакѣ, такъ что хозяева этихъ заведеній стали бы разсчитывать на меня, какъ на источникъ постояннаго дохода. Развѣ счелъ бы кто моей нравственной обязанностью вознагражденіе этихъ хозяевъ въ томъ случаѣ, если бы я кончилъ съ своимъ обычаемъ? Или развѣ долженъ былъ бы я выплачивать вознагражденіе тому добросовѣстному покупателю, который пріобрѣлъ бы дѣла въ расчетѣ на мои посѣщенія?

Не забудемъ и того, что, признавъ за нравственное какое-либо право собственности, созданное лишь участіемъ государства въ неправдѣ, намъ пришлось бы допустить также его нравственную обязательность для каждаго изъ индивидуумовъ. Признавъ нарушеніе нравственнаго права въ томъ, что государство уничтожило рабство безъ уплаты соотвѣтственнаго вознагражденія рабовладѣльцамъ, мы должны бы были признать также нарушеніе нравственнаго права въ томъ, что рабъ бѣжалъ отъ своего господина, не уплативъ ему напередъ выкупа, и въ томъ, что какой-нибудь человѣкъ помогъ ему, хотя бы напоивъ чашею холодной воды. Такъ это на самомъ дѣлѣ и признавалось въ Соединенныхъ Штатахъ до войны за освобожденіе, такъ проповѣдывалось и проводилось въ законѣ. Да такъ это и до сего времени признается и проповѣдуется выдающимися людьми и органами печати въ Великобританіи по отношенію къ бѣлымъ рабамъ этой страны. Тамъ безъ обиняковъ заявляютъ, что всякая попытка со стороны народныхъ массъ къ возврату

своего естественнаго права на родную землю была бы не чѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ десяти заповѣдей!

Зная, что государство не есть индивидуумъ, а составляется изъ индивидуальныхъ членовъ, которые роковымъ образомъ подвергаются тому или иному воздѣйствію съ его стороны, мы легко опредѣлимъ законную сферу государственнаго вмѣшательства, признавъ его цѣлью обезпеченіе за всѣми членами равенства правъ. Государство должно обезпечивать именно это равенство правъ, а отнюдь не равенство результатовъ труда въ средѣ его членовъ; и всякій человѣкъ, который помѣщаетъ свои сбереженія въ расчетѣ на отрицаніе равенства правъ государствомъ, можетъ дѣлать это лишь на свой собственный страхъ и рискъ. Онъ не можетъ требовать, чтобы государство ради сохраненія равенства прибылей между нимъ и другими предпринимателями, не подвергавшими себя такому же риску, продолжало отрицать равенство правъ за своими членами. Долгъ государства—обезпеченіе равенства правъ, но не равенства прибылей.

Разнаго рода предпріятія, пользующіяся одинаковымъ покровительствомъ государства, приносятъ: одни—убытокъ, другія—прибыль. Допустимъ, что кто-нибудь изъ предпринимателей предложилъ бы, чтобы государство обезпечило за всѣми за ними полное равенство путемъ вознагражденія потерпѣвшихъ убытокъ.

На такое предложеніе ему отвѣтили бы быстро и просто. Ему сказали бы, что это не дѣло государства охранять предпринимателей отъ потерь, и что всякая попытка къ тому со стороны государства невозможна безъ грубаго нарушенія требованій справедливости. Добиваться этого значило бы принуждать однихъ лю-

дей, разумно распоряжающихся своими средствами, къ расплатѣ за другихъ, которые ведутъ свои дѣла спустя рукава; добиваться этого значило бы отнимать у благоразумнаго и трудолюбиваго его естественную награду, подвергая его всѣмъ тяжкимъ слѣдствіямъ безразсудства и легкомыслія, карать за предусмотрительность, поощрять невѣжество и чудачество и разорять въ короткое время наиболѣе благоденствующія страны.

Но развѣ государство не поступило бы еще болѣе несправедливо и неблагоразумно, если бы оно стало выдавать вознагражденіе людямъ, которые до послѣдняго времени удерживали въ своемъ обладаніи и пріобрѣтали вновь собственность, основанную на неправдѣ? Развѣ не стало бы оно брать это вознагражденіе изъ дохода людей, не позволявшихъ себѣ подобныхъ владѣній и пріобрѣтеній? Можно ли утверждать, что участіе государства въ неправдѣ такого рода однозначаще съ участіемъ въ ней всѣхъ его членовъ? Участвовала ли когда-либо часть общества, состоящая изъ рабовъ, въ установленіи рабства? Участвовали ли когда-либо люди, лишенные ихъ естественнаго права на землю, въ передачѣ земли въ собственность частныхъ лицъ? Развѣ подобныя несправедливыя учрежденія не возникали всегда по волѣ людей, силою или хитростью захватывавшихъ въ свои руки государственную власть? Развѣ они поддерживались всюду не путемъ подавленія свободы, развращенія нравовъ, затемненія мысли и подкупа или застращиванія учителей вѣры и нравственности? Развѣ каждой попыткѣ къ уничтоженію такихъ учрежденій не предшествовалъ всегда и не долженъ былъ всегда предшествовать долгій періодъ агитаціи, за время которой ихъ несправедливость обнаруживалась настолько полно,

что ея могъ не замѣтить только лишь человѣкъ, сознательно закрывавшій предъ нею свои глаза?

«*Caveat emptor*»—вотъ правило закона—«Пусть остерегается покупатель»! Если кто-либо покупаетъ зданіе, при постройкѣ котораго не принятъ былъ во вниманіе законъ тяжести, или не соблюдены были законы сопротивленія матеріаловъ, то всѣ могущія быть отъ того послѣдствія принимаются имъ на свой страхъ. И подобнымъ же образомъ принимаетъ на свой страхъ всѣ послѣдствія человѣкъ, пріобрѣтающій собственность, которой нарушается нравственный законъ. Пусть общественное мнѣніе доросло бы до сознанія какой-либо неправды и потребовало бы ея прекращенія. Какъ могъ бы выступить тогда съ своими претензіями человѣкъ, заглушавшій въ себѣ голосъ совѣсти и строившій свое благосостояніе на продолженіи этой неправды? Съ какими глазами онъ могъ бы потребовать отъ людей, удерживавшихся отъ участія въ этой неправдѣ, страдавшихъ отъ нея и выносившихъ всѣ тяжести, лишенія и обиды, присущія борьбѣ противъ нея, чтобы они выплачивали ему вознагражденіе, на томъ основаніи, что, будучи членами одного государства, всѣ они одинаково отвѣтственны за эту неправду и всѣ должны расплачиваться за потери, связанныя съ ея отмѣной? И развѣ вниманіе къ безстыжимъ требованіямъ такого рода не сдѣлалось бы помѣхой къ тому постепенному ослабленію и умиранію неправды, которое совершается всюду, гдѣ вмѣстѣ съ развитіемъ нравственнаго чувства падаетъ надежда на ея сохраненіе? Развѣ это вниманіе не явилось бы, суля гарантіи предпринимателямъ, могучимъ источникомъ жизни и силы для самой неправды почти до послѣдней минуты ея существованія?

Возьмите рабство. Увѣренность американскихъ ра-

бовладѣльцевъ, внушенная отчасти примѣромъ Великобританіи, что отмѣна рабства не послѣдуетъ безъ соотвѣтственнаго вознагражденія, поддерживала рыночную цѣну рабовъ на наивысшемъ уровнѣ даже въ то время, когда начали раздаваться выстрѣлы, возвѣщавшіе освобожденіе негровъ. Не будь тутъ предательской надежды на полученіе вознагражденія, и ростъ чувствъ, враждебныхъ рабству, вліяя на пониженіе продажной цѣны рабовъ, мало-по-малу уменьшилъ бы денежный интересъ, побуждавшій къ отстаиванію рабства.

Подобнымъ же образомъ и частная собственность на землю. Извѣстно, что во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ наиболѣе важнымъ элементомъ, опредѣляющимъ продажную цѣну земли, оказывается надежда на будущій ростъ ея цѣнности и на возможность новыхъ улучшеній. Потому мысль о вознагражденіи, поддерживая спекуляцію, должна вліять всегда задерживающимъ образомъ на то пониженіе продажныхъ цѣнъ, на то постепенное приспособленіе индивидуумовъ къ наступающей перемѣнѣ, которое неизбѣжно слѣдовало бы всюду за каждымъ требованіемъ признанія равенства правъ на землю.

Вопросъ, который мы обсуждаемъ, есть по сущности своей вопросъ нравственный. Люди, признающіе источникомъ всякаго права государство, на самомъ дѣлѣ, могутъ возражать противъ какого-либо предполагаемаго дѣйствія государства, что оно будетъ нецѣлесообразно; но они не могутъ возражать, что оно будетъ несправедливо. Однако, какъ философы-матеріалисты эволюціонной школы постоянно прибѣгаютъ къ выраженіямъ, въ которыхъ подразумѣвается цѣль въ природѣ, такъ и отрицатели какого-либо закона, стоящаго выше государственныхъ законовъ, то и дѣло

кричать во всеуслышаніе, что было бы несправедливо, безсовѣстно и безнравственно для государства отмѣнять такое-то призрачное право собственности. Мы могли бы отвѣчать имъ, не теряя изъ виду ихъ основныхъ убѣжденій, только лишь допустивъ, что они не вполнѣ владѣютъ языкомъ, на которомъ говорятъ, и что своими словами они хотятъ сказать, что отмѣна эта была бы нецѣлесообразна. Ихъ мысль, по моему мнѣнію, могла бы быть выражена наиболѣе точно въ такой формѣ: согласно указаніямъ опыта, уваженіе къ правамъ собственности всего болѣе содѣйствуетъ прогрессу и благосостоянію человѣчества; а такъ какъ всѣ права собственности (это открыто исповѣдуется ими) покоятся на одномъ и томъ же основаніи,—на признаніи ихъ государствомъ,—то всякое уничтоженіе одного какого-либо права собственности по волѣ государства неминуемо должно пошатнуть всѣ прочія права собственности, набросить на нихъ тѣнь сомнѣнія и такимъ образомъ сдѣлаться источникомъ нескончаемыхъ правонарушеній.

Но, даже оставляя въ сторонѣ какія-либо нравственныя различія и признавая всѣ права собственности проистекающими отъ государства, мы все же не могли бы скрыть отъ себя того факта, что нѣкоторыя формы собственности содѣйствуютъ общему богатству и преуспѣянію, а другія, изъ числа признаваемыхъ государствомъ, уменьшаютъ общее богатство и задерживаютъ общее преуспѣяніе. Право на разбой, которое признавалось мѣстами и по временамъ государствомъ, по своему вліянію на общество нимало не походитъ на право мирной торговли. Право наслѣдственной юрисдикціи или «право сажать въ тюрьму и вѣшать»—«right of pit and gallows»—какъ его называли въ Шотландіи, гдѣ оно на самомъ дѣлѣ выкупа-

лось государствомъ, какъ цѣнная собственность, право отправленія правосудія, въ теченіе долгаго времени имѣвшее не малую торговую цѣнность во Франціи; право вести частныя войны, собирать мѣстные налоги, пошлины и повинности, а также назначать натуральныя повинности, которое признавалось по временамъ государствомъ за достояніе каждаго мелкаго господинчика; право затаптыванія крестьянскихъ полей на охотѣ; монополіи, которыми создавались цѣнныя привилегіи изъ позволенія фабриковать какой-либо товаръ, торговать имъ или ввозить его изъ-за границы,—конечно, не были факторами, содѣйствовавшими общему преуспѣянію. Напротивъ того, общее богатство и преуспѣяніе замѣтно увеличивались при ихъ отмѣнѣ.

Даже если мы признаемъ, что всѣ права собственности имѣютъ одинаковую основу и санкцію, и пренебрежемъ какими-либо нравственными различіями, то все же разумъ и опытъ не преминутъ указать намъ, что существуетъ только лишь одно право собственности, ведущее къ преуспѣянію всего общества, и что это право есть именно то право, которымъ охраняются за работникомъ плоды его труда. Оно приводитъ къ благосостоянію общества, поощряя производительную дѣятельность и давая сбереженіямъ обезпеченіе, позволяющее примѣнять къ дѣлу капиталъ и пользоваться досугомъ для развитія духовныхъ силъ. И всеобщій опытъ указываетъ, какъ на основное условіе мира, преуспѣянія и счастія человѣческаго рода, на уваженіе именно къ этому праву, а не къ тѣмъ формамъ собственности, которыя санкціонируются иногда, въ моменты ослѣпленія или безумія, законодательной властью, и которыя сводятся къ праву захватывать себѣ плоды чужого труда.

Эти мнимыя и вредныя права собственности заглушаютъ полезныя права собственности, подобно тому какъ паразитныя растенія заглушаютъ плодоносный побѣгъ, и ихъ уничтоженіе нимало не могло бы повредить тому уваженію къ собственности, безъ котораго немыслимы богатство, преуспѣяніе и цивилизація. Напротивъ того, покровительство имъ и отождествленіе ихъ съ истинными правами собственности роковымъ образомъ приводитъ людей къ убѣжденію, будто всякое право собственности наноситъ ущербъ народнымъ массамъ. Исторія человѣчества показываетъ намъ, что, если что можетъ грозить основѣ благосостоянія общества,—уваженію къ собственности,—такъ это именно ростъ этихъ паразитныхъ растеній,—воображаемыхъ правъ. И они грозятъ уже нашей цивилизаціи. Почему современные соціалисты такъ враждебно относятся къ капиталу? Развѣ не потому, что они смѣшиваютъ съ истиннымъ капиталомъ несправедливости, дающія возможность немногимъ обирать многихъ, захватывая себѣ плоды чужого труда и требуя платы за дозволеніе трудиться? Учить тому, что добро и зло не могутъ быть различаемы въ законодательныхъ постановленіяхъ, что слѣдуетъ признавать собственностью все то, что угодно признавать за собственность государству—значитъ учить, что собственность есть кража!

Да и что такое государство, которое, по мнѣнію этихъ отрицателей нравственныхъ различій, въ союзѣ съ себялюбіемъ, невѣжествомъ, безсовѣстностью и продажностью можетъ связывать людей на все будущее время въ вопросахъ, имѣющихъ наибольшую жизненную важность? Калигула былъ государство. Неронъ былъ государство. Людовикъ XIV съ полнымъ основаніемъ говорилъ: «Государство это—я». А слѣдуя Гер-

берту Спенсеру, государство въ Англіи есть не что иное, какъ пестрое собраніе выборныхъ отъ политическихъ партій, которымъ руководитъ невѣжественное и фанатическое меньшинство. Въ сущности, государство всегда бываетъ учрежденіемъ, которое всецѣло подчиняется вліянію отдѣльныхъ лицъ, партій и заинтересованныхъ группъ. Потому-то является въ высшей степени цѣлесообразнымъ дѣломъ возможно точное опредѣленіе границъ его власти. Если же не признавать никакихъ нравственныхъ принциповъ или высшихъ законовъ, могущихъ давать намъ твердое руководство въ различеніи того, что можетъ и что не можетъ дѣлать государство, то надо тѣмъ настойчивѣе требовать, чтобы принципъ всемогущества государства въ дѣлѣ опредѣленія правъ былъ доведенъ до его логическихъ заключеній, и чтобы за государствомъ было признано полное право уничтожать во всякое время всѣ прежніе государственныя постановленія, законы, договоры и условія. Если не существуетъ никакихъ нравственныхъ правъ или высшихъ законовъ, то представляется тѣмъ болѣе необходимымъ сдерживать власть государства хотя бы мыслью о возможности въ будущемъ рѣшительной и полной отмѣны изданныхъ имъ постановленій. Ибо чѣмъ прочнѣе и,—стало-быть,—чѣмъ цѣннѣе какія-либо привилегіи, выдаваемыя государствомъ, тѣмъ больше бываетъ побужденій у заинтересованныхъ лицъ захватывать власть въ свои руки. И ничто не можетъ содѣйствовать развращенію правительствъ и усиленію наиболѣе опасныхъ тенденцій нашего времени въ большей мѣрѣ, чѣмъ доктрина, утверждающая, будто государство, надѣливъ однихъ людей правомъ брать себѣ трудъ и собственность другихъ, не можетъ

затѣмъ отмѣнить это право безъ выдачи вознагражденія его обладателямъ.

Иного рода доводъ въ защиту вознагражденія представляютъ иногда въ видѣ того соображенія, что, обезоруживая при его помощи оппозицію, мы могли бы всего легче и быстрѣе достигнуть отмѣны узаконенной неправды. Но мало того, что такая отмѣна съ выдачей вознагражденія, по существу дѣла, не была бы даже и отмѣной; мало того, что защита ея поддерживала бы во всей силѣ тѣ денежные интересы, которые представляютъ главное препятствіе реформѣ,—въ такого рода стремленіи обезоружить оппозицію мы оказались бы уже не въ состояніи пробудить тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя только и могутъ одолѣть прочно утвердившуюся неправду. Ибо допустить вознагражденіе кого-либо за то, что ему не будетъ дозволено установить извѣстныя отношенія, значитъ признать, что онъ имѣетъ право устанавливать такія отношенія. И это знаютъ тѣ люди, которые сознательно отстаиваютъ принципъ вознагражденія. Ихъ цѣль, собственно, въ томъ и состоитъ, чтобы, отстаивая необходимость вознагражденія при уничтоженіи какого-либо несправедливаго учрежденія, воспрепятствовать самому уничтоженію этого учрежденія.

Говорятъ иногда, что для насъ было бы выгоднѣе выкупить негровъ Юга, какъ то сдѣлано было Англіей въ Вестъ-Индіи, чѣмъ затѣвать междоусобную войну. Однако предположеніе, будто можно было бы такимъ способомъ освободиться отъ рабства и избѣжать войны, очень далеко отъ истины. Аристократическое правительство, подобное правительству Великобританіи въ 1832 году, могло уничтожить рабство въ немногихъ мелкихъ владѣніяхъ, возложивъ бремя выкупа на своихъ подданныхъ, но демократическое прави-

тельство и въ столь обширныхъ размѣрахъ не могло бы сдѣлать ничего подобнаго. Великобританія, собственно, и не предотвращала войны, выплачивая вознагражденіе вестъ-индскимъ плантаторамъ, ибо тѣ не въ состояніи бы были съ оружіемъ въ рукахъ противиться освобожденію своихъ рабовъ; и если рабовъ этихъ можно было быстрѣе освободить при выдачѣ вознагражденія, чѣмъ безъ него, то только лишь потому, что въ британскомъ парламентѣ нераздѣльно господствовалъ тогда классъ людей, заинтересованныхъ въ поддержаніи признанныхъ закономъ несправедливостей. Будь тогда народъ представленъ въ парламентѣ хотя бы въ такой же мѣрѣ, какъ теперь, и отмѣну рабства въ Вестъ-Индіи можно было бы осуществить безъ выдачи вознагражденія гораздо легче, чѣмъ съ выдачей. Въ Соединенныхъ Штатахъ отмѣна рабства съ выдачей вознагражденія никогда не предлагалась въ качествѣ практичной мѣры, и какъ практичную мѣру ее нельзя было бы предлагать даже и тогда, когда чувства, враждебныя рабству, стали бы проявляться сильнѣе, чѣмъ у насъ передъ войной. Война возникла у насъ въ такое время, когда серьезно помышляло объ отмѣнѣ рабства лишь незначительное меньшинство и когда никому еще и въ голову не приходило задаваться вопросомъ о вознагражденіи,—когда никто, въ сущности, даже и не думалъ о войнѣ. Она возникла у насъ сама собой, какъ слѣдствіе того неустойчиваго равновѣсія, которое устанавливается всюду узаконенной неправдой; какъ слѣдствіе тѣхъ столкновеній и препирательствъ, которыя неизбѣжно обнаруживаются тамъ, гдѣ нравственное чувство начинаетъ возмущаться неправдой, хотя бы еще въ то время, когда главный вопросъ остается незатронутымъ. Она возникла у насъ не изъ-

за требованія вознагражденія съ одной стороны и отказа дать его—съ другой, а изъ-за той робости, съ какой обсуждался главный вопросъ людьми, уже сознававшими полную несправедливость рабства. Своими уступками и компромиссами они достигали только того, что рабовладѣльческая партія лишь усиливалась и становилась увѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и не задумалась потомъ подвергнуть націю всѣмъ ужасамъ войны при первой же попыткѣ къ реформамъ, несравненно менѣе рѣшительнымъ, чѣмъ освобожденіе рабовъ съ выдачей вознагражденія.

Этотъ доводъ въ защиту вознагражденія, въ сущности сводится къ увѣренію, будто подчиниться неправдѣ выгоднѣе, чѣмъ бороться за правду. Тогда какъ всеобщій опытъ доказываетъ намъ, что всякій народъ, который слѣдуетъ этой доктринѣ подчиненія, роковымъ образомъ утрачиваетъ независимость и свободу, не достигая даже мира. Миръ, который становится возможнымъ для него, есть лишь тотъ миръ, который римляне покупали у варваровъ въ періодѣ паденія,—миръ феллаховъ и обитателей Бенгальской области.

Даже въ личныхъ дѣлахъ бываетъ крайне трудно предсказать результатъ дѣйствія, основаннаго лишь на расчетѣ; въ дѣлахъ же государственныхъ, несравненно болѣе сложныхъ и запутанныхъ, такое предсказаніе и вовсе невозможно.

Истинная мудрость всегда предписываетъ намъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ слѣдовать принципу: «дѣлай не то, что кажется цѣлесообразнымъ, а то, что согласуется съ требованіями справедливости». Если какой-либо законъ или учрежденіе несправедливы, если существованіе ихъ означаетъ собой продолженіе неправды, тогда есть лишь одинъ мудрый

и справедливый образъ дѣйствія, это—заботиться объ ихъ уничтоженіи.

Вернемся къ главному вопросу.

Всѣ доводы въ пользу вознагражденія при уничтоженіи неравенства правъ на землю, по существу дѣла, направлены къ тому, чтобы оправдать неисполненіе нравственныхъ требованій и продолженіе несправедливости; всѣ они представляютъ изъ себя лишь отрицаніе равенства, этого основного условія справедливости. И всякій честный человѣкъ, разобравшись въ своихъ мысляхъ, согласится, что, если когда-либо они и казались ему убѣдительными, такъ это только потому, что онъ относился сочувственно къ людямъ, для которыхъ была выгодна неправда, и отказывалъ въ своемъ вниманіи людямъ, которые страдали отъ нея. Онъ думалъ лишь о немногихъ лицахъ, о томъ, что они лишатся своего дохода изъ-за возстановленія равенства правъ, и забывалъ о массѣ, которая нищаетъ, развращается и гибнетъ изъ-за неравенства. Свергнувъ съ себя тираннію привычныхъ идей и уяснивъ себѣ полное значеніе того факта, что безъ равнаго права на пользованіе землей люди не могутъ жить подобающей имъ жизнью и развивать своихъ способностей, онъ неизбѣжно придетъ къ убѣжденію, что требованіе вознагражденія при уничтоженіи земельной монополіи несправедливо и безнравственно. Онъ не преминетъ замѣтить, что, если кого слѣдуетъ вознаграждать при уничтоженіи земельной монополіи, такъ это людей, которые страдали отъ нея.

Частная собственность на землю,—распространеніе на землю того права, которое съ полнымъ основаніемъ прилагается къ произведеніямъ труда,—есть отрицаніе истиннаго права собственности, которымъ ограждается за каждымъ человѣкомъ равное право на

трудъ и исключительное право на его результаты. Оно отличается отъ рабства только лишь по формѣ. Рабство дѣлаетъ собственностью личный факторъ производства, частная собственность на землю—незамѣнимый естественный. И въ обоихъ случаяхъ, при тождествѣ цѣлей, получается одинъ и тотъ же результатъ: принудительная работа однихъ людей на другихъ. Потому отмѣна частной собственности на землю означала бы собой не нарушеніе какого-либо права, а уничтоженіе неправды: согласованіе государственнаго закона съ нравственнымъ и признаніе собственностью каждаго человѣка всего того, что принадлежитъ ему на самомъ дѣлѣ.

Я обстоятельно разсмотрѣлъ вопросъ о вознагражденіи только въ виду того, что ему придаютъ особое значеніе защитники существующей системы землевладѣнія, но отнюдь не потому, чтобы онъ находился въ органической связи съ истиннымъ рѣшеніемъ земельнаго вопроса. Признавая за наилучшій тотъ естественный и, слѣдовательно, легкій способъ возстановленія равенства правъ на землю, который мы называемъ, въ отличіе отъ разныхъ плановъ націонализаціи земли, системой единаго налога, мы не предлагаемъ отбирать у собственниковъ земли ихъ теперешнихъ владѣній. Мы предлагаемъ оставить за ними все то, чѣмъ они владѣютъ теперь, хотя бы въ результатѣ несправедливостей; мы не требуемъ даже измѣненій самыхъ формъ владѣнія землей или расширенія функцій государства при осложненіи его механизма. Мы предлагаемъ измѣнить лишь теперешніе способы собиранія общественныхъ доходовъ такимъ образомъ, чтобы они согласованы были съ требованіями права собственности, чтобы общество брало на удовлетвореніе общественныхъ потребностей то, что принад-

лежитъ обществу, и оставляло у индивидуума то, что по праву принадлежитъ индивидууму.

Но тотъ неуклюжій способъ отмѣны частной собственности на землю, который именуется націонализаціей земли, по самой сути дѣла, требуетъ отобранія законной собственности въ видѣ улучшеній, неотдѣлимыхъ отъ земли. И защитники этого способа волей-неволей должны упоминать о вознагражденіи собственниковъ, которое понимается многими, по недоразумѣнію, какъ вознагражденіе за лишеніе права собственности на землю. Да и защитники землевладѣльческихъ интересовъ, касаясь земельнаго вопроса, пытаются всегда представить дѣло въ такомъ видѣ, что будто бы предлагается единственно лишь фактическое отобраніе земли государствомъ.

Однако для общества нѣтъ никакой необходимости отбирать землю; необходимо лишь, чтобы оно отобрало ренту. И это отобраніе народомъ того, что по праву должно быть общимъ достояніемъ, само по себѣ уже обезпечило бы равенство правъ на пользованіе землей. Владѣніе землей стало бы выгодно лишь для людей, которые могутъ ею пользоваться надлежащимъ образомъ; захвату земель былъ бы положенъ конецъ, и всякій, желающій пользоваться землею, не встрѣчалъ бы болѣе помѣхъ къ ея пріобрѣтенію. Въ то же время, воспользовавшись общимъ достояніемъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, общество могло бы уничтожить всѣ тѣ налоги, въ которыхъ отбирается теперь у индивидуумовъ собственность, принадлежащая имъ въ силу ихъ индивидуальнаго права.

Въ сущности, всѣ эти таможенныя пошлины, подоходные налоги, сборы съ недвижимости, съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, пошлины съ наслѣдствъ и т. п., представляютъ собой грубое нарушеніе истиннаго права собственности. Но въ нихъ

нѣтъ никакой необходимости. Кажущаяся необходимость ихъ вытекаетъ только лишь изъ нежеланія общества пользоваться своимъ естественнымъ и законнымъ источникомъ дохода. И это нежеланіе, съ другой стороны, приводитъ къ цѣлому ряду тяжелыхъ слѣдствій въ виду того, что имъ поддерживается захватъ и монополизація земли. Обнаруживается искусственный недостатокъ въ первичномъ элементѣ, необходимомъ для жизни и труда; среди неисчерпаемыхъ богатствъ природы на дозволеніе трудиться начинаютъ смотрѣть, какъ на милость; невзирая на огромный ростъ производительныхъ силъ, масса людей живетъ лишь для того, чтобы бороться изъ-за поддержанія жизни, и милліоны людей умираютъ прежде времени отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и недостаточнаго питанія.

Не замаскировывая причинъ такого рода явленій, едва ли кто рѣшится утверждать, будто общество не можетъ взять себѣ принадлежащій ему доходъ у людей, захватившихъ его въ свои руки, не выдавъ имъ предварительно вознагражденія въ размѣрѣ капитализированной цѣнности ихъ будущихъ захватовъ.

Нельзя сдѣлать того, чтобы люди, получающіе прибыль отъ неправды, не понесли потерь при переходѣ къ справедливымъ отношеніямъ, какъ нельзя сдѣлать того, чтобы встрѣтились параллельныя линіи. Такова ужъ природа вещей. Но не будемъ, однако, забывать, что въ природѣ вещей также и то, что потери при этомъ бываютъ только относительными, а выигрышъ—абсолютнымъ. И всякій, кто вникнетъ въ предметъ, замѣтитъ, что при переходѣ отъ теперешняго противоестественнаго и несправедливаго способа собиранія общественныхъ доходовъ къ естественному и справедливому окажутся въ огромномъ выигрышѣ даже тѣ люди, которые относительно должны потерять.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° Москва.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 110712426